

дерации и государств – членов Содружества Независимых Государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ю. А. Куликова ; Ин-т гос-ва и права РАН. – М., 2014. – 188 л.

9. Ищенко, Н. С. Беларусь и мировой опыт противодействия коррупции : монография / Н. С. Ищенко. – Гомель : Изд-во ГГТУ им. П. О. Сухого, 2011. – 250 с.

10. Косопкин, А. С. Президент, Конгресс, законодательство (Опыт взаимодействия исполнительной и законодательной властей в Соединенных Штатах Америки) / А. С. Косопкин, Т. И. Нефедова // Государство и право. – 1998. – № 1. – С. 79–91.

11. Лузин, В. В. Президентская модель разделения властей (на примере США) / В. В. Лузин // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 82–90.

12. Богданова, Н. А. Система науки конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Н. А. Богданова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2001. – 334 л.

13. Мишин, А. А. Конституционное право зарубежных стран : учебник / А. А. Мишин. – М. : Белые альвы, 1996. – 400 с.

УДК 34.01

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМИОТИКИ ДЛЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ковкель Наталья Францевна,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории права
Белорусского государственного экономического университета,
Республика Беларусь, г. Минск

Эпистемологический кризис социогуманитарных наук в последние десятилетия является одной из актуальных проблем как в области философии познания, так и в отдельных научных отраслях, включая юриспруденцию. Многие исследователи об-

ращают внимание на «эпистемный вакуум», то есть отсутствие «единой эпистемы, которая определяла бы внутреннюю структуру пространства познания всех гуманитарных дискурсов» [1, с. 74]. С. С. Хоружий, анализируя развитие двух альтернативных эпистем гуманитарного знания XX в. – «парадигму жизненного мира» и «структуралистскую эпистему», заключает, что «конкуренция двух этих эпистемных принципов так и не успела достичь какого-либо итога, когда пришли постструктурализм и постмодернизм как своеобразный негативный синтез, который отверг оба принципа, но отказался от задач позитивного эпистемостроительства, создания цельной эпистемы (хотя и представил ряд весьма дельных эвристических и методологических установок)» [1, с. 75].

Представляется, что на роль общей эпистемологической парадигмы социогуманитарного знания может претендовать семиотическая. Семиотика изначально формировалась как метанаука, своеобразная надстройка над всеми науками, оперирующими понятием знака. При всем различии подходов к семиотике уже ее основоположники трактовали данную науку как «универсальную алгебру отношений» (Чарльз Сандерс Пирс) либо как обобщающую часть гуманитарных наук, основным разделом которой должна была стать лингвистика (Фердинанд де Соссюр). Понимание семиотики как особой метанауки характерно и для многих ее современных интерпретаций. Все многообразие взглядов на место семиотики в системе современных наук может быть систематизировано следующим образом. Пансемиотическая точка зрения заключается в том, что вся человеческая деятельность, включая естественную, является знаковой, носит интерпретационный характер. Данное направление развивалось от творчества Ч. Пирса, поднявшего семиотику до уровня особой, прагматической философии, до «глобальной семиотики» Т. Себеока, расширившего ее до биосемиотики и видевшего именно в этом свою основную заслугу. Эпистемологическая позиция, которая будет излагаться в данной статье, состоит в том, что семиотика рассматривается в качестве общей эпистемы для социогуманитарных наук. В этой связи М. В. Ильин, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, справедливо замечает, что общая семиотика наряду с математикой,

когнитивной наукой, морфологией и компаративистикой «может и должна стать своего рода математикой гуманитарных и общественных наук, способной дать им универсальные инструменты определения меры, прежде всего оценки смыслов человеческой деятельности, подобно тому как математика создала инструменты определения меры для природных процессов» [2, с. 43]. Межсемиотический подход, предложенный в 1996 году в «Интерпретативной семантике» Ф. Растье и активно развиваемый директором Центра семиотических исследований Лиможского университета Ж.-Ф. Бордроном [3, с. 121–123], заключается в том, что все социогуманитарные науки в какой-то мере являются семиотикой, поскольку исследуют знаки и их интерпретации в разнообразных культурных контекстах. Наконец, последняя точка зрения на семиотику состоит в том, что она рассматривается в качестве лишь одной из гуманитарных наук, не претендующей на универсальность.

На пути превращения семиотики в эпистемологическую парадигму социогуманитарных наук, в том числе и юриспруденции, находится ряд преград. В качестве первой следует назвать отсутствие единства внутри самой семиотики. Вместо превращения в универсальный органон гуманитарных наук, семиотика распалась на множество частных семиотик, таких как био-семиотика, этносемиотика, семиотика искусства, археологии, медицины, религии, права и др. По проблемам семиотики проводится множество научных конференций и симпозиумов, создаются международные объединения семиотиков (Международная ассоциация семиотических исследований, Американское семиотическое общество и др.). В настоящее время функционирует 53 периодических издания, посвященных проблемам семиотики, 42 из которых печатные, 16 издается только в электронном виде (в указанных журналах публикуются статьи на 16 языках) [4, с. 144]. С 1988 года издается специализированный журнал по семиотике права – *International Journal for the Semiotics of Law (Revue internationale de Sémiotique juridique)*. Однако даже при такой развитости и высоком уровне институционализации единство внутри семиотики так и не достигнуто. Представляется, что общая семиотика как некая эпистемологическая социогуманитарная парадигма может состояться только после обобщения результатов развития частных семиотик, анализирующих конкретный эмпирический материал. Видимо,

анализ в области частных семиотик проведен еще недостаточно полно, не позволяет перейти к общепризнанным метанаучным выводам.

Эффективному развитию как общей, так и частных семиотик значительно препятствует отсутствие общепризнанных научных концептов. Так, уже изначально общая семиотика развивалась по обозначенным Ч. С. Пирсом и Ф. де Соссюром, принципиально отличным друг от друга логико-математическому и лингвистическому направлениям. Для логико-математического направления, получившего интенсивное развитие в США, был характерен акцент на проблеме знака, предельно широкий подход к пониманию знака и знакового процесса. При этом объектом семиотических исследований выступали самые разнообразные знаки и знаковые системы (искусственные языки, жесты людей, «языки» животных и т. д.). Лингвистическое направление получило более широкое распространение в Европе, где вслед за Ф. де Соссюром семиотика рассматривалась как применение лингвистических методов к внелингвистическим объектам и первоочередное внимание уделялось не столько знаку, сколько коммуникативному акту. Дальнейшая эволюция общей и частных семиотик происходила в самых различных направлениях, с использованием иногда противоречащих друг другу научных концептов.

Существенной причиной кризиса семиотики стала постструктуралистская и постмодернистская критика ее сциентистских установок. По справедливому замечанию многих исследователей, семиотика «была в существенной степени сциентистской переориентацией гуманитарной науки» [5, с. 11]. Некоторые ученые и сегодня рассматривают ее как «эзотерическую субдисциплину», которая оперирует слишком сложной и потому отталкивающей терминологией, не пригодной для объяснения [6]. Известный специалист в области семиотики религии Р. Йелль подчеркивает, что именно стремление семиотики конституироваться на научной основе и тем самым добиться признания своей легитимности привело к фиксации на сциентистских видах анализа и предубеждению против исторических и культурных подходов, что значительно ограничило ее объяснительную силу [6].

Представляется, что для преодоления кризиса семиотики и ее становления в качестве эпистемологической парадигмы

социогуманитарных наук необходима прежде всего антропологическая переориентация. Среди трех основных направлений семиотики, выделенных еще Ч. У. Моррисом, – семантического, синтаксического и прагматического анализа знаков и знаковых систем – безусловный приоритет необходимо отдавать последнему. Важно исследовать не столько семантику и синтактику изолированных знаков и знаковых систем, сколько развивать прагматический анализ, концентрирующийся на индивидуальном и социальном измерении процессов порождения, передачи и интерпретации знаков. Целью развития прагматического направления должно стать изучение семиотической природы человека, особенностей его существования в культуре как прежде всего знаковой среде. В этой связи особенно перспективным представляется использование теории семиосферы Ю. М. Лотмана – основоположника культурологического направления семиотики и создателя Тартуской семиотической школы.

Антропоцентристский аспект семиотики представляется возможным развить и посредством использования историко-культурного анализа. В этой связи особый интерес вызывает предложенное Р. Йеллем «историческое измерение семиотики религии», которое может послужить образцом как для многих частных семиотик, в том числе семиотики права, так и для общей семиотики. Р. Йелль выстраивает эту перспективу от работы У. Эко над ранними религиозными проектами «идеального языка» через исследование П. Харрисоном религиозных измерений семиотического сдвига в раннем модернизме и Реформации к анализу самоопределения современной европейской культуры как лингвистически и даже шире – семиотически прозрачной, что неизбежно порождает колониальное столкновение с неевропейскими культурами. Историческое исследование способствует пониманию тех глобальных семиотических изменений, которые происходили и происходят в различных культурах и особенно ярко проявляются в сфере религиозных практик. Вся христианская интерпретация была основана на семиотически более ясных символах, нежели предшествовавшие ей религии, а «протестантские нападки на мифологический и ритуальный язык, которые нигде так не очевидны, как в колониальном столкновении, способствовали тому, что мы

понимаем как "секуляризацию» мира" [6]. Именно поэтому Р. Йелль предлагает такую парадигму семиотики религии, которая «включает в себя как структурные, так и исторические измерения как необходимые компоненты семиотики культуры, и ставит своей целью разработать гибкую теорию, способную к учету семиотических различий, а не стремится к вечным подтверждениям некоторой заранее заданной модели» [6].

Особое значение для утверждения эпистемологического статуса семиотики имеет разработка общепризнанных концептов как общей, так и частных семиотик. Представляется, что для общей семиотики в качестве таковых могут выступить концепты знака, знаковой системы, базисного знака знаковой системы, семиосферы и семиозиса. Исходя из данных концептов общей семиотики, в ряде предыдущих работ мы определили основные концепты семиотики права. В частности, правовой знак был определен как нечто, что обозначает или кодирует объекты правовой реальности (материальной или идеальной) в целях их описания, нахождения или обработки и получения новой правовой информации. Под правовой знаковой системой предлагалось понимать совокупность правовых знаков, функционирующих в соответствии с правилами, приданными или имманентно присущими данной системе. Под базисным знаком правовой знаковой системы – знак, который превагирует в данной системе и обуславливает уровень ее абстракции и знаковых трансформаций. Концепт правовой семиосферы, следуя Ю. М. Лотману, определялся нами как континуум, в котором функционируют правовые знаки и знаковые системы, реализуются правовые коммуникативные процессы и создается правовая информация. Концепт правового семиозиса – как деятельность, связанная с созданием и функционированием правовых знаков и знаковых систем [7, с. 47–52; 8, с. 108, 109; 9 и др.]. Указанные концепты могут быть основой для развития семантического, синтаксического и прагматического анализа правовых знаков и знаковых систем в любом юридическом исследовании, затрагивающем семиотическую проблематику. Особенно перспективным такой анализ является для конституционно-правовых исследований, в фокусе которых находятся основные правовые знаки и знаковые системы, их интерпретация.

При этом семантический анализ правовых знаков и знаковых систем может исходить из их классификации по критерию степени возрастающей абстрактности базисного знака на естественные, образные, действия, языковые, системы записи и кодовые знаковые системы. Так, естественные знаки и знаковые системы функционируют в различных видах правового дискурса как знаки, выступающие частями (или элементами) тех или иных предметов, явлений, процессов. Двадцатипятилетие Конституции Республики Беларусь в. В силу их разнородности естественные знаки невозможно подвергнуть обобщающей научной классификации. Исследование этих знаков идет по следующему пути: выделяется какой-либо вид или подвид юридической деятельности и анализируются присущие ему наиболее распространенные естественные знаки (например, в криминалистике широко исследуются различные следы). Образные знаки и их системы представлены в правовой коммуникации самыми разнообразными видами. Наиболее распространенной классификацией образных правовых знаков является их деление по способу внешнего выражения на 1) предметные знаки (флаг, форменная одежда, государственные награды и др.); 2) изобразительные знаки (герб, товарный знак, дорожные знаки и др.); 3) звуковые (гимны, марши и др.) и световые знаки (сигналы при регулировании дорожного движения и др.). Следует отметить широкий диапазон образных знаков и их систем, исследуемых в конституционном праве, – от государственных герба, флага, гимна до множества частных знаков гендерных, национальных, религиозных и иных отличий. Знаки действия и соответствующие им знаковые системы широко представлены в праве в виде различных правовых процедур и процессов. Причем в связи с так называемым прагматическим поворотом в философии и юриспруденции правовые процедуры и процессы стали объектами самого пристального интереса со стороны исследователей. Объясняется этот интерес, видимо, тем, что с правильностью их проведения принято связывать достижение справедливости. В фокусе конституционно-правовых исследований находятся все наиболее значимые знаки действия и их системы: парламентские, административные, судебные и др. Слово и языковые знаковые системы выражены во всех видах правовой речи, а также зафиксированы

посредством иероглифических знаков в системах записи в разнообразных правовых текстах. Правовые языковые знаковые системы, базисным знаком которых является слово, и системы их записи представлены в следующих видах правовых текстов и правовой речи: 1) текстах источников права; 2) правореализационных, и прежде всего правоприменительных, правовых текстах; 3) правовой речи правотворческого, правоинтерпретационного и правореализационного процессов (как профессиональной, так и обыденной); 4) научных и учебных правовых текстах; 5) научной правовой речи и правовой речи образовательного процесса. Относительная обособленность указанных видов правовых текстов и правовой речи позволяет рассматривать их как языковые знаковые подсистемы или подсистемы записи. Причем указанные виды правовых языковых знаковых систем и систем их записи подлежат дальнейшей, более сложной классификации на основании юридических критериев [10]. Наконец, даже самые формализованные из знаков и знаковых систем – кодовые системы могут быть представлены в праве, например, в случаях формализации правовых текстов, то есть их перевода на язык формальной логики. Актуальность перевода самых разнообразных правовых текстов на язык логических символов в наш компьютерный век очевидна, поскольку только такой перевод позволяет разрабатывать и эффективно использовать компьютерные технологии как в правотворческом, так и в правоприменительном процессах.

Синтаксический анализ предполагает исследование взаимосвязи различных правовых знаков как внутри отдельных знаковых систем, так и между ними, в пространстве правовой семиосферы. Каждая знаковая система обладает следующими основными характеристиками: базисными и производными знаками, функциональными элементами системы, метаязыком системы, логиками оперирования системой, системой записи правил и операций знаковой системы, а также возможностью верификации промежуточных и окончательных результатов работы с системой. Анализ по обозначенным параметрам могут быть подвергнуты самые разнообразные правовые знаковые системы – от естественных до кодовых. В ряде предыдущих работ мы представили семиотический анализ законодательства как знаковой системы, определив особенности его базис-

ных и производных знаков, функциональных элементов, метаязыка и логик оперирования [11, с. 184–244; 12 и др.].

Для развития прагматического анализа правовых знаков и знаковых систем, его антропоцентрической переориентации особое значение имеет исследование правовой семиосферы и правового семиозиса. Правовой семиосфере как элементу глобальной семиосферы присущи следующие признаки: 1) наличие границы, или отграниченность от внесемиотического или иносемиотического пространства; 2) неравномерность организации, наличие ядерных структур и периферии; 3) несинхронность развития различных участков; 4) диалогический механизм функционирования; 5) пространственная симметрия – асимметрия. Анализ указанных признаков правовой семиосферы позволяет по-новому взглянуть на многие правовые процессы. Так, наличие границы, или отграниченность правовой семиосферы от внесемиотического или иносемиотического пространства, порождает проблему перевода неправовой информации, неправовых знаков и знаковых систем в правовые, и наоборот. Как функционируют эти билингвальные переводческие «фильтры» в правовой семиосфере? Очевидно, что это не только и не столько официально-властное признание правовых знаков и знаковых систем, сколько сложный процесс их легитимации на индивидуальном и разных уровнях социума, причем в самых разнообразных формах. Такой подход позволяет анализировать легитимацию как сложный семиотический процесс, как билингвальный, буферный механизм между правовыми и неправовыми знаками. Роль правового языка в процессах правовой семиотизации может оказаться лишь вспомогательной, а первостепенное значение приобретут невербальные процессы. Следует также отметить относительный характер границы правовой семиосферы, ее подвижность в понимании правового и неправового, справедливого и несправедливого. Так, невзирая на многократные попытки провести демаркационную линию между правом и моралью, она по настоящее время остается весьма условной.

Неравномерность организации правовой семиосферы означает наличие в ее структуре ядра и периферии. К ядерным структурам относятся доминирующие семиотические элементы правовой семиосферы – большинство видов правовых текстов,

особенно тексты источников права, и правовых процедур. Однако возможно включение в ядро и нормативно признанных образных знаков, таких как герб, флаг, гимн и др. На периферии правовой семиосферы находятся разнообразные естественные, образные знаки, различные виды правовой речи (правотворческой, правоинтерпретационной, правореализационной, научной и т. д.) и др. В юридической доктрине наличие ядерных структур и периферии правовой семиосферы анализировалось в виде известного деления права на официальное и неофициальное. Метаязыком для правовых знаков и знаковых систем выступает сама юриспруденция, обеспечивающая уровень «идеального единства» правовой семиосферы. Семиотически право может быть представлено в виде конгломерата разноуровневых и разнотипных правовых знаков и знаковых систем, организованных неиерархично, и подлежащих самой разнообразной интерпретации. «Структурная неоднородность семиотического пространства, – замечает Ю. М. Лотман, – образует резервы динамических процессов и является одним из механизмов выработки новой информации внутри сферы» [13, с. 16]. В менее организованных периферийных участках, обладающих гибкими, скользящими конструкциями, динамические процессы встречают меньше сопротивления и развиваются быстрее. Создание же метаструктурных самоописаний является фактором, резко увеличивающим жесткость структуры и замедляющим процесс ее развития. Это подготавливает в будущем перемещение центра на периферию и бывшей периферии – в центр. Правовой семиосфере присуща та же динамика, исследование которой особенно значимо для понимания трансформации неофициального права в официальное.

Несинхронность развития различных участков правовой семиосферы означает то, что различные правовые знаки и знаковые системы, а также языки их описания имеют различные циклы эволюции. Наиболее очевидно несинхронность развития проявляется на уровне разнообразных правовых текстов. Так, даже среди самого распространенного вида правовых текстов – текстов источников права – обнаруживаются совершенно различные циклы развития. Канонические тексты и тексты судебных прецедентов развиваются гораздо медленнее, нежели динамичные тексты нормативных правовых актов и норматив-

ных правовых договоров. Даже внутри отдельных видов текстов источников права существуют различные циклы эволюции. Например, в группе текстов нормативных правовых актов конституционные акты обладают наибольшей стабильностью. Значительно быстрее, чем тексты источников права, развиваются иные виды правовых текстов (правоприменительные, иные правореализационные, научные, учебные) и правовой речи. Еще большей подвижностью и изменчивостью обладают естественные и образные правовые знаки и знаковые системы. Новая правовая информация формируется именно на границах между несинхронно развивающимися правовыми знаками и знаковыми системами внутри правовой семиосферы. Применительно к правовой семиосфере особенно важно отметить изоморфизм, существующий между индивидуальным правосознанием, отдельными правовыми знаками и правовой культурой в целом. Эта взаимосвязь часто упускается из вида в процессе научного исследования, отдельные правовые знаки и знаковые системы анализируются изолированно от правовой культуры, а также вне породившего и интерпретирующего их сознания. Тиражирование правовых знаков в правовой семиосфере также далеко не всегда принимается во внимание. Как правило, обнаруживаются лишь связи между текстами источников права и связанными с ними правоприменительными, реже – иными правореализационными текстами. Различные виды естественных, образных правовых знаков, правовой речи и иные виды правовых текстов остаются за пределами научного анализа.

Диалогический механизм функционирования правовой семиосферы позволяет актуализировать все элементы процесса правового семиозиса, особенно правосознание адресанта (отправителя) и адресата (получателя) правовых знаков. Диалогическое функционирование правовой семиосферы обращает наше внимание на то, что правовые знаки и знаковые системы в ее структуре – лишь производные процессов правовой коммуникации, основными акторами которой выступают субъекты права. В качестве одной из существенных особенностей диалогического функционирования семиосферы Ю. М. Лотман называет дискретность в передаче информации. «Диалог включает в себя взаимность и обоюдность в обмене информа-

цией. Но для этого нужно, чтобы время передачи сменялось временем приема. А это подразумевает дискретность – возможность делать перерывы в информационной передаче. Способность выдавать информацию порциями является всеобщим законом диалогических систем. Следует иметь в виду, что дискретность может возникать на уровне структуры там, где в материальной ее реализации существует циклическая смена периодов высокой активности и периодов максимального ее снижения» [13, с. 18]. Дискретность в передаче информации характерна и для правовой семиосферы на всех уровнях ее существования. Активные адресанты (отправители) могут посредством самых разнообразных правовых знаков и знаковых систем, особенно правовых текстов и речи, создавать и транслировать новую правовую информацию, причем как внутри отдельных правовых систем, так и в процессе взаимодействия между ними. Так, если в первое десятилетие вестернизации постсоветских правовых систем наблюдалась заметная активность культурного влияния Запада на Восток, то в настоящее время очевидно изменение направления этого влияния. В этой связи Ю. М. Лотман отмечал, что «...процесс культурного воздействия Востока на Запад и Запада на Восток связан с несинхронностью синусоид их имманентного развития и для внешнего наблюдателя представляется дискретной сменой разнонаправленных активностей» [13, с. 19].

Пространственная симметрия – асимметрия, или зеркальный механизм правовой семиосферы. Ю. М. Лотман утверждал, что в основе всех коммуникативных процессов лежит принцип, который строится на сочетании симметрии – асимметрии и может быть сведен к более общему единству. Симметрия – асимметрия «может рассматриваться как расчленение некоторого единства плоскостью симметрии, в результате чего возникают зеркально отраженные структуры – основа последующего роста разнообразия и функциональной спецификации. Сочетание этих двух принципов наблюдается на самых разных уровнях – от противопоставления цикличности (осевой симметрии) в мире космоса и атомного ядра однонаправленному движению, господствующему в животном мире и являющемуся результатом плоскостной симметрии, до антитезы мифологического (циклического) и исторического (направленного)

времени. Поскольку сочетание этих принципов имеет структурный характер, выходящий за рамки не только человеческого общества, но и живого мира, и позволяет установить подобие самых общих структур, например поэтическому произведению, то, естественно, напрашивается вопрос: не является ли весь универсум сообщением, входящим в еще более общую семиосферу? Не подлежит ли вселенная прочтению?» [13, с. 20]. В правовой семиосфере зеркальный механизм действует и осознается прежде всего как проблема Другого, присутствующая на всех уровнях правовой коммуникации и выражаемая посредством любых видов правовых знаков и знаковых систем.

Прагматический анализ правового семиозиса позволяет установить особенности правовой коммуникации в самых различных видах правовой деятельности – от правотворческой до правореализационной. При этом их исследование должно исходить из особой семиотической модели правовой коммуникации. Представляется, что элементами такой модели являются: 1) адресант (отправитель) правового знака; 2) адресат (получатель) правового знака; 3) правовой знак (совокупность знаков); 4) коды (языки) адресанта и адресата; 5) контексты, в которых создается и интерпретируется правовой знак (совокупность знаков); 6) коммуникативный канал; 7) тематическое поле; 8) коммуникативная компетенция адресанта и адресата. На основании данной модели могут быть построены и иные семиотические конструкции правовой деятельности: правотворческие, правосистематизационные, правоинтерпретационные, правоприменительные и др.

Список использованных источников

1. Хоружий, С. С. Дискурсивные трансформации в построении новой эпистемы для гуманитарного знания / С. С. Хоружий // Методология науки и дискурс-анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. П. Огурцов. – М. : ИФ РАН, 2014. – С. 68–85.
2. Ильин, М. В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа / М. В. Ильин // Дискурс-пи. Discours-P. – 2015. – № 1 (18). – С. 43–47.
3. Бордрон, Ж.-Ф. Семиотика, выражение и имманентность / Ж.-Ф. Бордрон // Современная семиотика и гуманитар-

ные науки / отв. ред. В. В. Иванов. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 121–123.

4. Kull, K. Journals of semiotics in the world / K. Kull, T. Maran // *Sign Systems Studies*. – 2013. – Vol. 41 (1). – P. 140–145.

5. Живов, В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения / В. Живов // *Новое литературное обозрение*. – 2009. – № 98. – С. 11–26.

6. Yelle, R. Semiotic Approaches to Religion [Electronic resource] / R. Yelle // *Semiotix. A Global Information Magazine*. – Mode of access: <https://semioticon.com/semiotix/2010/03/semiotic-approaches-to-religion/>. – Date of access: 01.02.2019.

7. Ковкель, Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы / Н. Ф. Ковкель // *Правоведение*. – 2017. – № 4. – С. 38–59.

8. Ковкель, Н. Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации / Н. Ф. Ковкель // *Парадигмы юридической герменевтики : монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова*. – СПб. : Алетейя, 2017. – С. 103–133.

9. Ковкель, Н. Ф. Правовая семиосфера как концепт культурального измерения права / Н. Ф. Ковкель // *Культуральные исследования права : монография / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова*. – СПб. : Алетейя, 2018. – С. 153–170.

10. Ковкель, Н. Ф. Основные элементы структуры правового языка / Н. Ф. Ковкель // *Вест. Пермского ун-та*. – 2013. – № 4 (22). – С. 44–51.

11. Ковкель, Н. Ф. Логика и язык закона : монография / Н. Ф. Ковкель. – Минск : Право и экономика, 2009. – 299 с.

12. Ковкель, Н. Ф. О перспективах семиотического анализа права и законодательства / Н. Ф. Ковкель // *Вест. БГЭУ*. – 2010. – № 5 (82). – С. 78–86.

13. Лотман, Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи в трех томах*. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 11–24.